

«Октябрьская революция в России открыла трудящимся всех стран путь к миру». Союзники вновь предупреждались, что, если они не примкнут к переговорам, Советское правительство вынуждено будет вести их самостоятельно⁶³.

8.3.2. Первый этап переговоров

В 16 часов 24 минуты 9 декабря в здании Офицерского собрания Брест-Литовска начались переговоры о мире. Принц Леопольд Баварский⁶⁴ открыл мирную конференцию, после чего покинул зал. Председательствовал на первом заседании глава германской делегации министр иностранных дел Р. фон Кюльман⁶⁵. За стол переговоров с советскими представителями⁶⁶ сели также австро-венгерская делегация во главе с министром иностранных дел графом О. Черниным, болгарская, возглавляемая министром юстиции Поповым, и турецкая с председателем Талаат-беем.

Нет возможности подробно описывать все перипетии растянувшихся на многие недели переговоров. Но для понимания всех последующих событий основные моменты отразить необходимо⁶⁷.

⁶³ Антанта и на этот раз не ответила, и на то были веские причины. Перелом на основных фронтах едва лишь начинал обозначаться. Переговоры о мире в условиях оккупации противником значительной части своей территории неизбежно вели к серьёзным уступкам. О достижении главной цели войны: устранение или решающее ослабление Германии, как политического конкурента, не могло в этих условиях идти и речи. К тому же, садясь за стол переговоров, союзники не только признавали Советское правительство, но и вынуждены были закрыть глаза на его откровенно сепаратные, предварительно не согласованные действия.

⁶⁴ Номинальный Главнокомандующий Восточным фронтом.

⁶⁵ В дальнейшем представители участвующих в переговорах стран председательствовали попеременно.

⁶⁶ Возглавлял советскую делегацию большевик А.А. Иоффе. В состав её также входили Л.Б. Каменев, М.Н. Покровский, А.А. Биценко, секретарь – Л.М. Карахан, консультант – М.П. Павлович, военные консультанты – В. Альфатер, А. Самойло, В. Липский, И. Цеплит.

⁶⁷ К тому же не следует забывать, что подписание Брест-Литовского договора очень скоро и самым непосредственным образом повлияло на расстановку сил и ход событий на Дону.

Сразу же советская делегация заявила, что исходя из общих положений «Декрета о мире», предлагает принять за основу программу, декларирующую в частности, следующее:

- не допускаются никакие насильственные действия присоединения захваченных во время войны территорий; войска, оккупирующие эти территории, выводятся оттуда в кратчайший срок;
- восстанавливается во всей полноте политическая самостоятельность тех народов, которые во время настоящей войны были этой самостоятельности лишены;
- национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, гарантируется возможность свободно решить вопрос о присоединении к тому или иному государству, либо о создании собственного; при этом гарантируются права национальных меньшинств;
- ни одна из воюющих сторон не может быть принуждена к выплате контрибуций; выплаченные ранее суммы подлежат возврату; убытки частных лиц возмещаются из образуемого сторонами специального фонда;
- колониальные вопросы решаются на основании изложенных принципов.

По оглашении предложений советской делегации Кюльман попросил представить их в письменном виде и предложил объявить перерыв в работе конференции.

Выявились разногласия как между делегациями стран Четверного союза, так и между Кюльманом и Черниным с одной стороны, и Гофманом – с другой. С огромным трудом генерала удалось убедить в том, что принятие советских предложений не будет означать для немцев отказ от оккупированных Польши, Литвы и Курляндии, поскольку эти страны «уже отделились от России и вопрос о своём политическом статусе будут решать с Германией».

Только лишь вечером 12 декабря переговоры возобновились. Кюльман заявил следующее: «Делегации союзных держав исходят из ясно выраженной воли своих правительств и наро-

дов как можно скорее добиться заключения общего справедливого мира.

Делегации союзников, в полном согласии с неоднократно высказанной точкой зрения своих правительств, считают, что основные пункты русской декларации *могут быть положены в основу переговоров о таком мире.*

Делегации Четверного союза согласны немедленно заключить общий мир без насильственных присоединений и без контрибуций. Они присоединяются к русской делегации, осуждающей продолжение войны ради чисто завоевательных целей...»

Согласие германского блока присоединиться к советской формуле мира «без аннексий и контрибуций» вызвало такой ажиотаж, что мало кто обратил внимание на следующую оговорку в речи министра: «Необходимо, однако, с полной ясностью указать на то, что предложения русской делегации могли бы быть осуществлены лишь в том случае, если бы *все причастные к войне державы*, без исключения и без оговорок, в определённый срок обязались точнейшим образом соблюдать общие для всех народов условия⁶⁸».

Поскольку ясно было, что остальные страны Антанты не присоединятся к мирным переговорам, согласие Центральных держав с предложениями советской делегации превращалось теперь лишь в ни к чему не обязывающую декларацию. Однако и сам факт заявленного принципиального согласия с советской формулой мира «без аннексий и контрибуций» представлялся большевикам огромным достижением. Поэтому советская делегация лишь отметила намечающиеся разногласия и предложила объявить десятидневный перерыв, во время которого обсудить непосредственно между государствами конкретные пункты договора.

На следующий день 13 декабря приступила к работе вновь

⁶⁸ Немцы потребовали, чтобы вопрос о национальном существовании групп, *не пользовавшихся политической самостоятельностью до войны*, решался бы «в каждом отдельном случае самим государством вместе с народом». Также Германское правительство заявило, что от колоний отказаться не может.

созданная смешанная политическая комиссия. Начались переговоры между советской и германской делегациями⁶⁹, и поначалу продвигались они вполне успешно. В самом начале советская делегация предложила рассмотреть территориальные вопросы, но понимания это требование не нашло. Экономический же блок каких-либо нареканий у обеих сторон не вызывал. «В 9 часов утра, – вспоминал Чернин, – начались переговоры по специальным вопросам. Приготовленная Кюльманом программа, касающаяся экономических вопросов и вопросов представительства, была так скоро и гладко принята, что уже в 11 часов заседание должно было быть прервано за отсутствием материала...» Перед окончанием заседания советская делегация вновь предложила приступить к рассмотрению территориальных вопросов. Кюльман ответил в том смысле, что поднимать этот вопрос пока что не следует, так как стороны к этому не готовы.

Желание немецких и австрийских дипломатов решить вначале второстепенные вопросы и оттянуть как можно дальше рассмотрение основополагающих привело к прямо противоположному результату. Из перехваченной радиограммы немцы узнали, что советская делегация уже проинформировала Петроград «о присоединении Германии к демократической формуле мира», что вполне можно было трактовать, как согласие немцев и на предложенные большевиками условия. Более того, один из офицеров германской делегации сообщил генералу Гофману о том, как в приватной беседе прикомандированный к советской делегации русский офицер выразил надежду, что по подписанию мирного договора германские войска очистят оккупированные территории⁷⁰ и отойдут на старую границу 1914 г.

Всё это германским командованием воспринято было весь-

⁶⁹ Присоединились к переговорам и австрийцы, так как по заявлению Кюльмана у них с немцами имелось «много точек соприкосновения».

⁷⁰ Следует отметить, что этот эпизод М.Н. Покровский трактует несколько иначе. «...когда один из членов нашей военной миссии, – пишет он, – спросил его (Гофмана), за обедом, как скоро немцы очистят первую зону (занятой ими территории), и какое пространство они намерены очистить в качестве такой зоны, – обычный военный вопрос, – то на вопрос, какое пространство они очистят, Гофман ответил: «Ни одного миллиметра».

ма болезненно. Из ставки в Крейнцнахе поступила, адресованная Кюльману и Гофману, телеграмма Гинденбурга. В ней генерал требовал немедленно «внести ясность в положение». Вечером 13 декабря «за чашкой чаю» Гофман сообщил советскому представителю, что Германия термин «мир без аннексий и контрибуций» понимает несколько иначе и не может эвакуировать занятые Польшу, Литву и Курляндию⁷¹.

Советская делегация потребовала встречи с Гофманом, Кюльманом и Черниным, которая и состоялась на следующий день⁷². Совещание длилось несколько часов и неоднократно прерывалось, так как немцы и австрийцы не сразу могли договориться и между собой. Чернин предлагал компромиссное решение, заключавшееся в том, что до подписания мирного договора оккупация занятых территорий будет продолжаться, а по его заключению в Польше, Литве и Курляндии будет проведён *под наблюдением нейтральной страны* плебисцит, который и определит дальнейшую судьбу этих стран. Однако это предложение было отвергнуто не только советской стороной, но и немцами.

Советская делегация заявила о намерении покинуть Брест-Литовск и прекратить переговоры, что произвело серьёзное впечатление. Чернин проинформировал Кюльмана, что «если Германия слишком далеко зайдёт в своих требованиях, Австро-Венгрия поведёт с Россией сепаратные переговоры». В ответ Кюльман выразил пожелание, чтобы для давления на германское командование заявление австрийцев было передано ему в письменном виде. Чернин его просьбу удовлетворил. Как видно, дипломаты стран Четверного союза в принципе готовы были идти на уступки, и обстановка советской делегации бла-

⁷¹ Обосновывая этот постулат, Гофман ссылаясь на расположение на указанных территориях военных мастерских, а также и на позицию самого Советского правительства, которое продекларировало право наций на самоопределение. По словам Гофмана, Польша, Литва и Курляндия уже выразили желание отделиться от России, и если теперь вступят в переговоры с Германией о своём новом статусе, это не станет их аннексией.

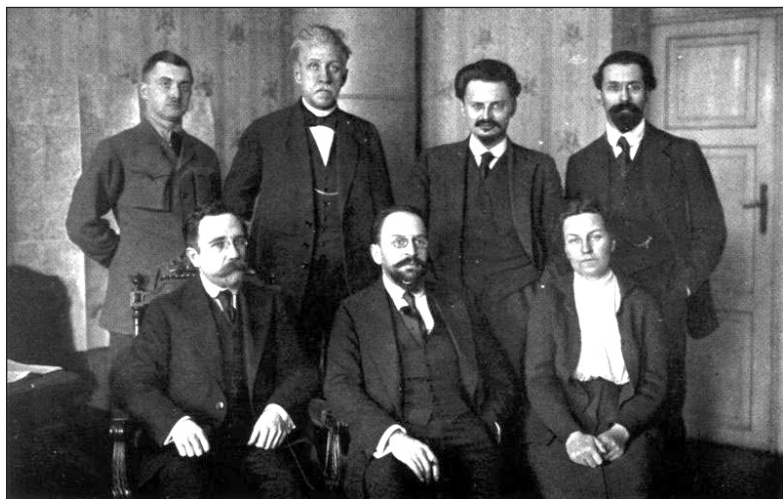
⁷² «Русские в отчаянии: часть их хочет уезжать, – писал Кюльман. – Они думали, что германцы просто откажутся от оккупированных областей и отдадут их большевикам...»

гоприятствовала. Однако воспользоваться этим большевикам не удалось.

Совещание длилось уже несколько часов. В итоге было принято решение перенести дальнейшее обсуждение «условий эвакуации» в комиссию, работа которой возобновилась тем же вечером 14 декабря. Советская делегация предложила вывести с оккупированных территорий все войска одновременно. Россия при этом очищала бы занятые во время войны части Австро-Венгрии, Турции и Персии, державы Четверного союза уходили из Польши, Литвы и Курляндии. При этом Россия обещала предоставить населению указанных областей возможность самому решить вопрос о своём дальнейшем государственном существовании. Так или иначе, дело сводилось всё к тому же – возвращению к довоенным границам.

Согласованно с немцами Кюльман предлагал следующее: как только мир будет заключён и русская армия завершит демобилизацию, Германия очистит занятые русские области «поскольку это не будет противоречить статье 2-й». Статья же 2-я сводила всё на нет, поскольку в ней было прописано: «Так как российское правительство, в соответствии со своими принципами, провозгласило для всех без исключения народов, входящих в состав Российского государства, право на самоопределение вплоть до полного отделения, то оно принимает к сведению заявления, в которых выражена воля народов, населяющих Польшу, Литву, Курляндию и часть Эстляндии и Лифляндии, о их стремлении к полной государственной самостоятельности и к выделению из Российской федерации...⁷³» Тут же Кюльман поинтересовался, не согласится ли Советское правительство вывести войска из неоккупированной части Эстляндии и Лифляндии, «чтобы дать местному населению возможность соединиться со своими единоплеменниками, живущими в занятых немцами областях».

⁷³ Любопытно, что немцы и австрийцы вели себя так, будто имели на руках соответствующие документы, подтверждающие желание населения оккупированных областей выйти из состава России и присоединиться к Германии. Впрочем, понятно было, что опираясь на штыки оккупационной армии, оформить подобное «волеизъявление» было нетрудно.

*Советская делегация второго состава
(стоит второй справа Л.Д. Троцкий)*

Советским дипломатам давали ясно понять, что ссылками на мир «без аннексий и контрибуций» они своего не добьются и их оружие легко может быть обращено против их самих. Российская империя, даже куда в большей степени, чем её соседи, прирастала территориями, занятыми в ходе победоносных войн, а понятие «справедливости» могло иметь самое широкое толкование.

Более того, Гофман вдруг спросил, в каком состоянии находится пассажирское сообщение с Украиной. На встречный вопрос, какое это имеет отношение к вопросу о мире, генерал пояснил, что УНР сообщила о высылке в Брест-Литовск своей делегации, и ему интересно было бы узнать, каким путём и в какие сроки она прибудет в город.

Упоминание Рады в контексте мирных переговоров весьма насторожило советскую делегацию. Несмотря на все старания, большевики так и не сумели прибрать к рукам *целиком* ни Румынский, ни даже Юго-Западный фронты, и формально они подчинялись как Ставке, так в той или иной степени, и украинцам. Перспектива противопоставления российской и

украинской делегаций не сулила ничего хорошего. Вероятнее всего следовало немедленно подписать договор о мире, оговорив при этом, что оккупация немцами территорий в Польше и Прибалтике продлится лишь до окончания войны⁷⁴. Но пойти на такой серьёзный шаг без консультаций с СНК Иоффе не решился.

15 декабря собралось очередное заседание политической комиссии, на которой был зачитан проект мирного договора. Спорные пункты о территориальных разногласиях в документе отсутствовали. Вечером состоялся пленум мирной конференции, который проходил в такой тональности, будто основные вопросы согласованы, и подписание мира предreshено.

Сразу после этого советская делегация выехала в Петроград.

Вскоре выяснилось, что и в рядах большевиков по поводу заключения сепаратного мира с Германией единства не наблюдалось. Но поначалу преобладало мнение, что немцы нуждаются в мире куда в большей степени и рано или поздно на уступки пойдут. По словам Троцкого за немедленное подписание мира высказывался один Зиновьев. Он полагал, что затягивание лишь ухудшит условия мирного договора, который рано или поздно подписать всё же придётся. Оформившаяся группа так называемых «левых коммунистов»⁷⁵ выступила с резкой критикой его доводов и выдвигала следующие, на первый взгляд, не лишённые смысла тезисы:

⁷⁴ Во всяком случае, подобный вариант развития событий представляется для большевиков явно не самым худшим.

⁷⁵ В их числе многие видные деятели большевистской партии: Н.И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, М.С. Урицкий, А.С. Бубнов, К.Б. Радек, А.А. Иоффе, Н.В. Крыленко, Н.И. Подвойский, Г.Л. Пятаков, С.В. Косиор и др. Идеи «левых коммунистов» нашли поддержку в партии. При этом их лидеры возглавляли Московский окружной и городской комитеты и ряд крупнейших партийных комитетов Урала, Украины и Сибири, имели в своём распоряжении печатные издания и, соответственно, располагали широкими возможностями для пропаганды своих взглядов.

Московское областное бюро РСДРП(б) уже 28 декабря приняло резолюцию, требующую немедленного разрыва мирных переговоров с Германией и «разрыва дипломатических сношений со всеми империалистическими государствами». В тот же день против принятия германских условий высказалось и большинство членов Петербургского комитета РСДРП(б).

- российская *пролетарская* революция является частью революции мировой, без победы которой в одной или нескольких более развитых странах Европы, поражение российской революции неизбежно;
- заключение мира со странами Четверного союза подорвёт престиж немецких социал-демократов и отсрочит революцию в Германии, а, следовательно, и революцию мировую;
- напротив, война с Германией мировую революцию неизбежно ускорит, что предопределяет и окончательную победу российской революции⁷⁶.

Что касается Ленина, то он и сам поначалу склонялся к тому, что военные действия с Россией страны Четверного союза не возобновят ни при каких обстоятельствах, а революция в Германии не исключена. Во всяком случае, в этот период он не был столь категоричен, как месяц спустя. Догматическое утверждение марксовской теории о том, что победа пролетарской революции возможна лишь при одновременном её развитии сразу в нескольких передовых капиталистических странах, довлело над всеми без исключения. В результате было принято компромиссное решение: затягивать переговоры как можно

⁷⁶ Вряд ли это выступление можно было назвать фракционной борьбой в полном смысле этого слова. Никто из этих людей не претендовал на то, чтобы заменить собой Ленина. Сыграла свою роль митинговая биография и желание напомнить о себе, как о ярких полемистах и крупных партийных теоретиках.

При этом Троцкий занял отстранённую позицию, заявив некую «промежуточную» платформу: мира не подписываем, военных действий не возобновляем. Сам он характеризовал свою позицию следующим образом: «Было течение, которое считало невозможным военное сопротивление, но в то же время находило необходимым довести переговоры до открытого разрыва, до нового наступления Германии, так, чтобы капитулировать пришлось уже перед очевидным применением империалистской силы и вырвать тем самым почву из-под ног инсинуаций и подозрений, будто переговоры являются только прикрытием уже состоявшейся сделки».

Как видно с Лениным они разошлись в одном. Владимир Ильич при решении судьбоносных вопросов старался исключить всякий риск. Троцкий же готов был, если надо, идти до конца и на кон поставить *всё*.

Любопытно, что левые эсеры поначалу высказывались за мир. Аграрная партия не могла позволить себе действия, шедшие вразрез с чаяниями многомиллионной крестьянской армии.

дольше. Возглавить советскую делегацию на втором, как представлялось, решающем этапе переговоров Ленин предложил Л.Д. Троцкому⁷⁷.

Во время перерыва в работе конференции Наркомат иностранных дел обратился к правительствам Антанты с очередным предложением присоединиться к мирным переговорам, которое вновь было проигнорировано.

20 декабря председателям делегаций стран Четверного союза была послана телеграмма, в которой Советское правительство предлагало перенести переговоры в Стокгольм. Видимо, большевики хотели подчеркнуть этим, что ведут переговоры на нейтральной территории на равных. К тому же решалась и чисто тактическая задача. В оккупированном Бресте немцы без труда могли контролировать связь советской делегации с Петроградом, в Стокгольме же возможность этого исключалась. В ответной телеграмме идея перенесения переговоров решительно отклонялась. При этом подчёркивалось, что советская делегация ожидается в Брест-Литовске не позднее 23 декабря⁷⁸.

А днём ранее 22 декабря германский канцлер Гертлинг, выступая на заседании бюджетной комиссии Рейхстага, сообщил, что в Брест прибыла делегация Центральной Рады. Предварительные переговоры украинцев с генералом Гофманом шли уже полным ходом, но продвигались не столь гладко, как можно было ожидать. Представители УНР заявили о своих претензиях на присоединение к Украине Холмщины, Буковины и Вос-

⁷⁷ В первом составе Советского правительства Л.Д. Троцкий занимал пост наркома Иностранных дел. Позже он вспоминал: «...сама по себе перспектива переговоров с бароном Кюльманом и генералом Гофманом была мало привлекательна, но чтобы затягивать переговоры, нужен «затягиватель», как выразился Ленин». В состав советской делегации на втором этапе переговоров помимо Троцкого (председателя) входили также А.А. Иоффе, Л.Б. Каменев, М.Н. Покровский, А.А. Биценко, В.А. Карелин, Л.М. Карахан, военные консультанты – В.М. Альтфатер, В.В. Липский, А.А. Самойло, консультанты по национальным вопросам – К.Б. Радек, П.И. Стучка, С. Бобинский, В. Мицкевич-Капсукас.

⁷⁸ 22 декабря Советское правительство сообщило, что продолжает настаивать на перенесении места переговоров в нейтральную страну, «но так как все делегации уже прибыли в Брест-Литовск, то и советская делегация выезжает туда же...»

точной Галиции⁷⁹. Переговоры затянулись, но в итоге Гофман сумел убедить украинцев снизить свои требования и ограничиться одной лишь Холмщиной. При этом предполагалось, что Буковина и Восточная Галиция образуют коронную автономную территорию под юрисдикцией Австро-Венгрии⁸⁰.

8.3.3. Второй этап переговоров

В результате мирная конференция возобновила работу лишь 27 декабря 1917 г. Сразу после открытия с пространной речью, предвосхищающей все возможные вопросы и контрвыпады советской стороны, выступил Кюльман. Он напомнил, что по предложению советской делегации для привлечения к мирным переговорам *других стран* был сделан 10-дневный перерыв. Срок этот истёк ещё 22 декабря в 12 часов ночи. Страны Антанты предложение проигнорировали. И поскольку Центральные державы готовы были присоединиться к советской формуле мира «без аннексий и контрибуций» лишь при условии участия в переговорах всех основных воюющих государств⁸¹, то теперь они от этого отказывались.

Кюльман отвергал желание советской делегации перенести переговоры в нейтральную страну и заявил о том, что они будут продолжаться в Брест-Литовске⁸².

Затем слово взял Чернин. Он также высказался против перенесения переговоров, мотивируя это тем, что в Бресте все делегации связаны со своими правительствами прямым проводом телеграфной связи. Затем было сказано главное.

«...Вы, милостивые государи, – заявил австрийский дипломат, – в своё время пригласили нас на всеобщие мирные пере-

⁷⁹ Если Холмщина входила до войны в состав Царства Польского, то Буковина и Галиция являлись австро-венгерскими территориями.

⁸⁰ В дальнейшем этих договорённостей украинская делегация и придерживалась.

⁸¹ Что было подчеркнуто в провозглашённой 12 декабря 1917 г. декларации стран Четверного союза.

⁸² Германский дипломат оговорил при этом, что «ради международной вежливости» он не возражает, чтобы само подписание достигнутых договорённостей происходило в нейтральной стране.

говоры. Мы приняли приглашение, и пришли к соглашению относительно основ всеобщего мира.

Оставаясь верным принятым основам, вы поставили союзникам десятидневный ультиматум. Ваши союзники вам не ответили, и сегодня речь идёт не о всеобщем мире, но о мире *сепаратном* между Россией и державами Четверного союза».

Главы делегаций Турции и Болгарии заявили о своём полном согласии с заявленной позицией.

Вслед за этим выступали военные представители. Генерал Гофман заявил протест против провокационных воззваний Советского правительства, обращённых к германским войскам⁸³. Австро-венгерский, турецкий и болгарский военные делегаты с ним солидаризировались.

Чувствовалось, что ситуация меняется, и дипломаты стран Четверного союза готовы перейти к решительным действиям.

На следующий день 28 декабря председатель делегации УНР В.А. Голубович огласил декларацию Центральной Рады. В ней было заявлено, что власть Совета Народных Комиссаров на территорию Украины не распространяется, и, следовательно, мир, заключённый советской делегацией, не может быть обязательным для Украины, которая будет вести переговоры самостоятельно.

Тут же Кюльман спросил у Троцкого: «Намерен ли он и его делегация и впредь быть здесь единственными дипломатическими представителями всей России?» Ответ был весьма уклончив, но Кюльман продолжал задавать новые вопросы, настаивая на разъяснении: следует ли считать украинскую делегацию частью русской (советской) или же она является представительством суверенного государства?

⁸³ Ещё 13 декабря Совнарком выделил 2 миллиона рублей на агитационную работу и демонстративно опубликовал отчёт об этом в открытой печати. При содействии К.Б. Радека была создана агитационная газета «Die Fackel». По прибытии в Брест-Литовск развил бурную деятельность и Троцкий. Он пытался вести агитацию среди германских солдат, охранявших территорию вокзала и железнодорожные пути. При этом призывы были отнюдь не безобидными. Троцкий убеждал «рабочих в военной форме» последовать примеру русских пролетариев, поднять восстание и повернуть штыки внутрь своей страны. Сам он комментировал свои действия, как попытку «прощупать», будут и способны ли немцы наступать.